

«Сведенборг пишет, что ни ангелы, ни демоны не были созданы Богом такими, какие они есть. Ангелы — это люди, возвысившиеся настолько, что стали ангелами, демоны — люди, павшие столь низко, что стали демонами. Таким образом, и рай, и ад населены людьми, ставшими ангелами и демонами. Итак, к умершему приходят ангелы. Бог никого не приговаривает к аду. Бог хочет, чтобы спаслись все люди. Но в то же время Бог предоставляет человеку свободную волю, эту страшную привилегию, дающую возможность заточить себя в аду или заслужить рай».

*Хорхе Луис Борхес
«Думая вслух»*

ГЛАВА 1

В этих местах можно слушать тишину. Закрыв глаза и подставив лицо уходящему за набегавшие тучи солнцу, он сидел в небольшом лесу и наслаждался тишиной. Он редко позволял себе выбираться в подобные места. Но на этот раз его уговорил Вейдеманис, который приехал отдохнуть в горы после операции. Эдгар Вейдеманис считал Дронго

не просто своим спасителем, но и своеобразным духовным наставником, который протянул ему руку помощи в самый тяжелый момент жизни.

В прошлом году у Вейдеманиса врачи обнаружили рак правого легкого. Только срочная операция могла спасти несчастного. Если учесть, что в этот момент за ним охотились сразу две враждующие группировки, то шансов остаться в живых у него почти не было. Однако в самый последний момент рядом с ним оказался Дронго, который не только сумел спасти бывшего сотрудника Первого главного управления КГБ, но и настоял на сложной операции.

В онкологическом центре врачам удалось сделать почти чудо. Они вырезали Вейдеманису правое легкое и прооперировали бронхи. В результате он потерял голос и мог говорить только хриплым шепотом. Однако остался в живых и теперь приехал вместе с Дронго, уговорив его провести несколько дней в горах.

Вейдеманис был ровесником Дронго. Они оба были людьми сложной судьбы, ко-

торая выпала на долю многих мужчин, родившихся в бывшей огромной стране и предпочитавших оставаться порядочными людьми, несмотря ни на какие сложности.

Дронго сидел здесь около получаса. Несмотря на раннее утро, солнце уже успело спрятаться за облака, и набегавшие тучи сулили дождливую погоду. Он посмотрел на небо и улыбнулся: ему нравилась любая погода, кроме сильных холодов, которых он не выносил. Внезапно за спиной он услышал веселые голоса. Дронго обернулся. Молодой человек и две его спутницы стояли над обрывом и оживленно разговаривали. Они не видели сидевшего внизу Дронго.

— Я не могу больше выносить его хамства, — жаловался молодой человек. — Он вечно всем грубит, ругается. А вчера, когда я увидел, как он обращается с Катей, я чуть его не ударил.

— Не нужно, Сергей, — попросила одна из незнакомок. — Он всегда был очень требовательным. Даже говорят, что сейчас он стал лучше.

— Это точно, — сказала другая женщина.

У нее был более уверенный голос. — Раньше он был совсем другим, сейчас немного постарел и сдал, особенно после третьего развода.

— Ничего себе сдал! — возразил Сергей. — Я представляю, каким он раньше был. Если он будет снова орать на Катю...

— Ничего, ничего, — перебила его Катя, — я уже привыкла...

— Что значит привыкла? — возразил Сергей. — Он ведь знает, что ты пережила, и он должен относиться к тебе по-другому.

— Вопросы этики не для него, — возразила вторая женщина.

Дронго кашлянул, поднимаясь со своего места. Голоса сразу замерли. Он легко выпрямился, повернулся и, обойдя овраг, вышел к незнакомцам. Молодой человек шагнул к нему и нахмурился. Очевидно, они не ожидали встретить здесь кого-то. И хотя в районе было спокойно, тем не менее встреча в горах с неизвестным мужчиной заставила их насторожиться.

— Добрый день, — вежливо поздоровал-

ся Дронго. — Кажется, вы недавно приехали?

— Да, — строго ответил молодой человек. Ему было лет двадцать пять. Высокого роста голубоглазый шатен. Дронго казалось, что он где-то видел этого красивого незнакомца. Две его спутницы также испуганно молчали, словно ожидали всяческих неприятностей от неожиданной встречи.

Одной из них было лет тридцать пять — сорок. Короткие каштановые волосы, подстриженные, очевидно, совсем недавно. Большие красивые голубые глаза, мягкие черты лица, чуть курносый нос. В глазах — некая растерянность, которая бывает у женщин, внезапно столкнувшихся с неожиданным явлением. Светлый брючный костюм выгодно подчеркивал ее формы. Ее подруга была немного моложе. Длинные светлые волосы обрамляли лицо с более резкими чертами и несколько вытянутым носом. Однако глаза у второй женщины были миндалевидные — очевидно, она имела среди своих предков азиатов. При этом Дронго опять показалось, что он где-то видел одну из них.

— Извините, — сказала первая женщина. — Мы не знали, что вы здесь отдыхаете.

— Вы мне не помешали, — улыбнулся Дронго. Он вспомнил, где именно видел это лицо. — Вы, очевидно, приехали в составе киногруппы?

— Да, — улыбнулась в ответ женщина, — наша съемочная группа приехала вчера вечером. Мы остановились в доме отдыха кинематографистов.

— Я вас узнал, — сказал Дронго. — Кажется, вы недавно снимались в одном телесериале. Не помню названия, я не люблю детективов, но я запомнил ваше лицо. Простите, что не знаю вашего имени.

— Наталья. Наталья Толдина.

Дронго, наклонившись, галантно поцеловал протянутую руку.

— Сергей Буянов, — представился молодой человек.

— Катя Шевчук, — мягко сказала их спутница, протягивая руку.

Дронго пожал ей руку, но целовать не стал, только улыбнулся еще раз.

— Дронго, — представился он, называя свою привычную кличку.

— Как вы сказали? — заинтересовался Буянов. — Дранго?

— Дронго, — повторил он. — Меня так называют достаточно давно, и я уже к этому привык.

— Странно, — прошептал Буянов.

— Я не могла слышать ваше имя в Москве? — спросила Голдина.

— Не думаю, — ответил Дронго, — хотя у югославов есть имя Дранко, и оно довольно популярно.

— Мы должны идти, — напомнил Буянов своим спутницам.

— До свидания, господин Дронго, — сказала Голдина, снова протягивая руку. На этот раз он ее пожал. Встретить в горах столь галантного почитателя своего таланта женщине было особенно приятно.

Они повернули в сторону дороги. Ни один из четверых даже не мог предположить, что уже сегодня вечером здесь произойдет убийство и нынешний день окажется последним в жизни одного из них. Дрон-

го повернулся и пошел к дороге. Там уже ждал Вейдеманис. Он был в кроссовках, джинсах, спортивной куртке.

— Ты их видел? — спросил Вейдеманис. — Приехали артисты из Москвы?

— Конечно, видел. У них тут съемки?

— Да, им разрешили здесь снимать. Они остановились в доме отдыха кинематографистов. Говорят, что приехала сама Наташа Толдина, заслуженная артистка республики. Ты ее наверняка видел по телевизору.

— Может быть, — равнодушно сказал Дронго.

Они гостили в санатории местного шелкового комбината. Кроме них, в санатории оставались лишь две семьи, приехавшие из Рустави. Грузинская граница была совсем недалеко, и сюда иногда приезжали отдыхать гости из соседней Грузии.

Вейдеманису тяжело было идти в гору, и Дронго сбавил ход, чтобы излишне не утомлять приятеля. Они медленно поднимались к санаторию, когда мимо проехали две черные «Волги», спешившие, очевидно, туда же. Чуть выше санатория находилась пра-

вительственная резиденция, называемая Мархалом.

Одна из машин остановилась, и из нее вышел местный руководитель, знавший Дронго в лицо.

— Ассалам алейкум, — приветливо поздоровался он. — Почему вы остановились в санатории? Мы могли заказать для вас места на Мархале.

— Ваалейкума салам, — ответил Дронго. — Ничего страшного нет. Мы все равно через два дня уезжаем.

— Приехали наши таджикские гости, — сообщил местный руководитель. — Завтра вечером мы даем банкет в их честь. Просим вас быть на Мархале вместе со своим другом.

— Спасибо, — поблагодарил Дронго. Он взглянул на небо. — Кажется, пойдет дождь.

— Не дождь, — возразил его собеседник. — Метеорологи сообщили, что будет ураган. Очень сильный дождь и ветер. Мы боимся, что может начаться сель. Поэтому высылаем наших людей по всему району. А тут еще эти артисты приехали из Москвы.

Не забудьте — завтра вечером у нас банкет, — напомнил он на прощание.

Когда автомобиль отъехал, Вейдеманис спросил у Дронго:

— О чем вы говорили?

— Ты видишь — надвигаются тучи. Он сообщил, что ночью будет ураган. Нужно предупредить наших грузинских соседей, чтобы никуда не уходили. Хотя этот район, кажется, одно из немногих спокойных мест на Кавказе.

— Вот именно, — мрачно согласился Вейдеманис, — во многих местах давно забыли о спокойной жизни.

На Кавказе уже полтора десятка лет шли перманентные войны, регион был насыщен оружием, и многие области создавали собственные правительства и даже собственные страны. Казалось, что Кавказ провалился в семнадцатый или восемнадцатый век с удельными князьями, многочисленными государствами, враждующими друг с другом, и сепаратистами, не признающими власти собственных правителей.

Однако, несмотря на подобную вакхана-

лию беззакония, на Кавказе еще оставались места, которые можно было назвать островками стабильности. В некоторых районах местные власти изо всех сил пытались удержаться в двадцатом веке, противопоставляя анархии, безумию, национализму и бандитизму стратегию собственной стабильности.

Таким местом на Кавказе был Шекинский район Азербайджана. Расположенный на севере республики, в южных предгорьях Большого Кавказа, он умудрился пережить все потрясения последних лет, внешне почти не меняясь и не реагируя на невероятные перемены, происходившие в республике и бывшей стране.

В двадцати пяти километрах от города, на востоке, начиналась граница с Дагестаном, где не так давно шли ожесточенные бои. В ста километрах к югу находился Нагорный Карабах, ставший ареной ожесточенного азербайджано-армянского столкновения, в котором погибло столько людей и с трагедии которого начался распад некогда великой страны. В сорока километрах на запад находилась соседняя Грузия. Во время

гражданской войны в соседней стране сюда переехало несколько семей, спасаясь от бедствий, связанных с военными событиями. Они внесли в упорядоченную жизнь города определенную тревогу, но все довольно быстро успокоилось.

Дважды во время переворотов в Баку в городе наблюдалось некоторое волнение. Каждый раз собравшиеся горожане обсуждали, чем закончится противостояние в столице, и каждый раз приходили к выводу, что ничего хорошего ожидать не стоит. В общем, так всегда и получалось. Любые изменения не улучшали жизнь обычных людей, но они уже привыкли к неспешному течению собственной судьбы и не обращали внимания на изменения, происходившие в столице.

Город Шеки был знаменит на Кавказе своими острословами и юмористами. Если болгарский город Габрово был известен на всю Европу, то и Шеки также прославился анекдотами и поговорками про местных жителей. Кроме того, здесь любили отдыхать

многие знаменитости, прибывавшие на Кавказ.

В Шеки до сих пор вспоминают известного польского писателя, который пробыл в их городе целых три дня, так и не придя в сознание. Воздух в горах и целые батареи спиртных напитков, щедро выделяемых главой местной власти, привели к тому, что друг «римского папы» и хороший писатель так и не понял за три проведенных дня, куда именно он попал. Через три дня его в состоянии глубокого похмелья увезли в Баку, откуда он улетел в Москву.

Сюда любил приезжать и знаменитый шахматный чемпион, самый молодой чемпион в истории шахмат. Он родился и вырос в Баку, но иногда приезжал сюда, чтобы послушать тишину в Мархале, расположенном в нескольких километрах от города, на горе.

Наконец, именно здесь был открыт дом отдыха кинематографистов, построенный и функционирующий лишь благодаря энергии руководителя Союза кинематографистов, всемирно известного сценариста, на-

писавшего сценарии к очень известным российским кинофильмам, среди которых есть даже картина, удостоенная голливудского «Оскара».

Среди местных знаменитостей был и поэт, который давно жил в столице, но никогда не забывал своих земляков. Поэт был известен своими пламенными выступлениями и гневными филиппиками в адрес любой оппозиции. И хотя оппозиции все время менялись, поэт не изменял своей жизненной позиции, по-прежнему благословляя любую власть и критикуя любую оппозицию, возникавшую в столице.

Словом, это было почти единственное место, где царило относительное умиротворение и спокойствие. Именно поэтому киногоруппе из Москвы разрешили проводить здесь съемки, выбрав для них столь экзотическое и спокойное место.

К санаторию Дронго и Вейдеманис подошли, когда начался дождь. Ветра пока не было, но по всему ощущалось, что надвигающийся ураган будет достаточно серьезным. Местные жители, работавшие в сана-

тории, уже договорились, что уйдут отсюда сразу после обеда, чтобы успеть до вечера оказаться дома. Очевидно, и они получили штормовое предупреждение.

Дронго и его напарник пошли в столовую. Дождь усиливался. Они обычно обедали на веранде, но при таком дожде невозможно было даже выйти на веранду. В небольшой столовой на первом этаже уже были накрыты все столы. Дронго удивленно оглянулся. Один стол предназначался для них с Вейдеманисом. За соседними двумя столиками обычно располагались приехавшие гости из Грузии, но сейчас их не было. Остальные два стола, сдвинутые вместе, были предназначены, очевидно, для других гостей.

Испуганная официантка, то и дело оглядываясь на окна, разносила еду. Вейдеманис, сидевший напротив Дронго, спросил:

— Здесь часто бывает такая погода?

— Нет, но иногда случаются сильные наводнения. Хотя штормовые ветры для этой части гор не характерны.

— В таком случае нам повезло, — усмех-

нулся Вейдеманис. Для него каждый прожитый день после приговора врачей и тяжелой операции был как праздник.

В столовую вошли четверо гостей, приехавших сюда из Рустави. Это были художник Отари Квачадзе с женой Людмилой и инспектор налоговой службы Мамука Сахвадзе со своей супругой Нани. Художник был чуть выше среднего роста. Всегда чисто выбритый, в свежей сорочке, которую менял каждый день, он сильно отличался от тех бородатых художников, которые иногда приезжали в санаторий. Его супруга — высокая, с тонкой почти до невозможности талией — была молчаливой женщиной с библейскими спокойными чертами лица и красивыми голубыми глазами. Дронго еще в первый день обратил внимание, что на руках у Отари и его супруги красивые серебряные кольца-перстни необычной формы в виде двух львов, ласкающих друг друга.

Мамука Сахвадзе, напротив, был подвижным, низкорослым, тучным мужчиной. Плотный, коренастый, всегда смеющийся, с круглым лицом, небольшими, словно нари-

сованными, усиками, полными руками и ногами, он был словно пушечное ядро с приделанными к нему конечностями. Его супруга была ему под стать. Такая же плотная, небольшая, крепкая. Из их комнаты часто доносился громкий смех.

Вошедшие, усаживаясь за свои столы, приветливо поздоровались с Дронго и его приятелем.

— Говорят, что такой ветер бывает один раз в десять лет, — громко сказал Мамука, обращаясь к Дронго. — Значит, нам повезло — мы увидим необычное зрелище.

Разносившей еду женщине было лет пятьдесят. Она торопилась закончить работу, чтобы успеть к вечеру домой. Вместо нее к ужину должна была приехать ее более молодая напарница. Пожилой повар иногда выглядывал из кухни. У него было плохое настроение. Свежие продукты сегодня не завезли, и, судя по погоде, ему приходилось рассчитывать на имевшиеся запасы, чтобы продержаться до завтрашнего дня.

Они уже заканчивали обедать, когда за окнами послышался шум подъезжавшей ма-

шины. И вскоре в столовую под смех и шутки ворвались несколько человек. Дронго узнал в приехавших актеров, которых он встретил полтора часа назад. С ними были еще двое мужчин. Один был совсем молодой человек, очевидно, водитель группы. Он был одет в кожаную куртку. На голове красовалась большая кепка.

Второй мужчина выделялся среди всех остальных. Он был ниже среднего роста, мрачный, задумчивый, с густой копной седых волос. Одет в темную вельветовую куртку, легкие брюки, рубашку. Очевидно, это был режиссер фильма. Войдя в столовую, он прошел к столу и уселся с таким видом, словно чувствовал себя по меньшей мере главой клана, собравшегося вокруг его особы. Дронго незаметно усмехнулся, он часто сталкивался с подобным гипертрофированным отношением к себе у деятелей искусства.

Среди вошедших он увидел и Наталью Толдину. Она оглядела столовую, кивнула Дронго как старому знакомому и прошла к столу, чтобы сесть рядом с режиссером. На-

против них уселись Буянов и Катя Шевчук. На Буянове были джинсы и джемпер, надевший поверх рубашки, на Кате — брюки и светлый джемпер, надетый, скорее всего, на голое тело. Никто не ожидал, что вчерашний солнечный день перейдет в сегодняшнюю непогоду.

Вошедший вместе с ними водитель почти сразу вышел — очевидно, он собирался проверить свой автомобиль.

— Вы режиссер Семен Погорельский? — восторженно спросил Мамука, когда увидел известного режиссера. Тот степенно кивнул головой, доставая сигареты. У него были красивые холеные усы.

От Дронго не укрылось, что при взгляде на режиссера Толдина чуть поморщилась. Вероятно, ее раздражала его самоуверенность. Но Сахвадзе был в восторге от подобной встречи.

— Сам Погорельский? — всплеснул руками Мамука, подходя к группе приехавших кинематографистов. — Идите сюда, друзья! — позвал он своих земляков. — Мы выпьем за здоровье великого режиссера.

Через мгновение стулья были сдвинуты, и Мамука Сахвадзе уже провозглашал тост за здоровье приехавших. Внезапно за окнами раздался гром, и молнии озарили столовую. Женщины невольно поежились.

— Черт возьми, — довольно громко сказал Буянов, — это, похоже, надолго!

ГЛАВА 2

Погода портилась буквально на глазах. Они не успели закончить обед, когда в столовой появился встревоженный повар.

— Передали штормовое предупреждение, — пояснил он. — Вам нужно переждать на Мархале. У нас легкое строение — может не выдержать. А там каменный дом, прочный, двухэтажный. Звонили из города, просят, чтобы вы переехали туда до вечера. Сейчас приедет их представитель.

— Черт побери! — громко и раздраженно сказал режиссер. — Только этого нам не хватало. Придется возвращаться в дом отдыха.

— Нет, — возразил повар, — дождь усиливается, дорога может оказаться размытой. Лучше, если вы подниметесь вместе с остальными на Мархал. Я тоже поеду с вами.

Повар был пожилым человеком — лет шестидесяти. Полное, рыхлое лицо, пышные усы, мясистые щеки, пухлые губы. Он много лет работал в местном общепите. У повара была большая семья, состоящая из пяти детей и восьми внуков. Гасана Панахова все знали и уважали в районе за его мастерство.

— У нас только одна машина, — раздраженно сказал режиссер. — Мы все в ней не поместимся.

— Здесь недалеко, — успокоил его повар, — несколько минут езды. Там сейчас трое наших гостей и один сотрудник дома отдыха. Их уже предупредили о нашем приезде. Сначала машина отвезет женщин, а потом поедут мужчины.

— И долго мы там будем сидеть? — спросил Погорельский.

— Наверное, до вечера, — ответил повар. — Вы не беспокойтесь: я заберу все продукты, и вы сможете нормально поужинать.

— Я из-за этого не беспокоюсь, — зло заявил режиссер. — Мне жалко потерянного дня!

Он поднялся, раздраженно посмотрел на часы. Сидевшие за столом две грузинские пары также были смущены.

— Всем обязательно нужно ехать? — спросил Мамука Сахвадзе. — Или нам лучше остаться в санатории?

— Не лучше, — ответил повар. — Директора нет, а женщин мы сейчас отпустим. Наш водитель довезет их до реки, оттуда они пойдут пешком. Они живут не в самом городе, поэтому быстро доберутся до дому. А вам лучше отправиться со всеми. Пусть сначала поедут женщины.

— Да-да, конечно, — согласился Мамука, — пусть они едут в первую очередь. А мы подождем.

— Верно, — согласился Отари Квачадзе, — мы можем подняться пешком.

— Ветер усиливается, — возразил повар. — Лучше на машине. Здесь совсем недалеко. Пусть сначала уедут женщины.

Сборы заняли несколько минут. Женщины были уверены, что уже к вечеру вернуться в санаторий, и взяли с собой лишь са-

мые необходимые вещи. Наталья Толдина, Екатерина Шевчук, Людмила Квачадзе и Нани Сахвадзе уселись в машину, и «УАЗ» повез их на вершину горы, чтобы через несколько минут вернуться за остальными. Мужчины остались одни.

— Вы думаете, что ветер может снести наше строение? — пошутил Мамука, обращаясь к повару.

— Нет, — засмеялся Гасан, — но из города требовали, чтобы мы переехали на Мархал. Они боятся за вас: вдруг ветром выбьет какое-нибудь окно и стекло поранит одного из наших гостей.

— Как мы поместимся в машине? — уточнил Буянов.

— Не беспокойтесь, господа, — вмешался Дронго. — Мы с моим другом можем подождать. Пусть водитель сначала отвезет вас.

— Так нельзя, — возразил Отари. — Давайте бросим жребий.

— Вас ждут женщины, — напомнил Дронго, — поэтому вам нужно поехать всем вместе. Вам двоим и представителям кино-

группы. А потом мы поможем нашему повару погрузить продукты и приедем вместе с ним.

— Правильно, — согласился Гасан, и в это время его позвали к телефону.

Он вышел из столовой, когда режиссер достал свой мобильный телефон и попытался набрать нужный ему номер.

— В этих горах и телефоны нормально не работают, — нервно сказал Погорельский через несколько секунд.

— Возьми мой телефон, — протянул ему свой аппарат Мамука, — я звонил сегодня утром в Тбилиси.

— Спасибо, — кивнул режиссер, принимая аппарат. — Хочу предупредить нашу киногруппу, что мы приедем к вечеру.

Он набрал номер и довольно долго ждал, пока произойдет соединение. Но через некоторое время он уже кричал своему помощнику, объясняя, где именно они находятся. Едва Погорельский закончил говорить, как в столовую вернулся Гасан. У него было озабоченное лицо.

— К нам никто не приедет. Машина должна вернуться в город, — пояснил он, — поэтому нам нужно сделать один рейс и всем поместиться в «УАЗе», чтобы автомобиль не поднимался наверх в третий раз. Он должен вывезти наших женщин и успеть в город до вечера.

— Нас семеро мужчин, — напомнил Дронго, — вместе с водителем будет восемь человек. Мы не поместимся в машину. Нужно забросить туда продукты и подниматься пешком. Я только прошу включить в экипаж моего друга. Он перенес тяжелую операцию и не сможет пойти пешком.

— Я уступлю ему свое место, — вызвался Буянов.

— Не нужно, — нахмурился Вейдеманис. — Я пойду пешком.

— Нет, — твердо возразил Дронго, — ты поедешь в машине. Тебе нельзя переносить такие нагрузки после операции.

— Я тоже пойду пешком, — вызвался повар.

— Не стоит, — сразу сказал Мамука, — я вам уступаю свое место.

— И я, — вмешался художник, — мы можем подняться пешком.

— Столько благородства, чтобы пройти под дождем несколько минут! — язвительно сказал Погорельский. — Может, нам лучше вообще отказаться от этой машины?

— Нужно перевезти продукты, — напомнил Дронго. — Я думаю, что к вечеру дождь не кончится. Обещали штормовую погоду, и, возможно, нам придется провести там всю ночь.

— Только этого не хватало! — нахмурился режиссер. — Тогда я сразу вернусь в город.

— Не сейчас, — Дронго подошел к окну. Быстро темнело, а дождь лил словно из ведра. Иногда слышались раскаты грома.

— Я приготовлю продукты, — вышел из столовой Гасан.

Квачадзе и Сахвадзе отправились в номера, чтобы собрать вещи. Дронго и Вейде-

манис также прошли к себе в комнату, чтобы взять самое необходимое.

— Напрасно ты относишься ко мне как к больному, — мрачно заметил Вейдеманис. — Врачи считают, что, кроме моего хриплого голоса, у меня нет других аномалий.

— Вот и прекрасно. А я не хочу, чтобы они у тебя появились. Не забывай, что у тебя есть дочь, которую ты обязан выдать замуж.

— Надеюсь, что она решит этот вопрос без меня, — улыбнулся Эдгар.

— Ну и напрасно надеешься. Она тебя обожает, и ты для нее главный советчик в жизни. Если самоустранишься, найдутся другие советчики. Я ведь не говорю, чтобы ты искал ей парня. Я только думаю, что ты можешь ей помочь своими советами. В таком возрасте молодые девушки в этом очень нуждаются.

Они уже выходили из комнаты, когда услышали громкий голос Мамуки. Он убеждал своего друга-художника:

— Зачем тебе нужно все рассказывать?! Это совсем не обязательно.

— Я не могу, — нервно заявил художник, — просто чувствую, что не могу. Мне кажется, что я обязан был сделать это давно. Но у меня не хватило мужества.

— А сейчас должно хватить ума, — нервничая, произнес Мамука. — Выбрось все из головы и собирай свои вещи. Иначе я вообще не буду с тобой разговаривать!

Оставшийся в столовой Погорельский сказал, обращаясь к Буянову:

— Кажется, нам придется провести в обществе этих людей весь день. Надеюсь, что они не будут нам очень докучать.

— Они ваши поклонники, — равнодушно напомнил Буянов.

— На расстоянии все видится иначе, — ухмыльнулся режиссер. — Лучше бы они меня вообще не знали. Так спокойнее. А теперь придется весь день и, возможно, всю ночь провести в обществе своих поклонников. Представляю, какими идиотскими вопросами они нас будут закидывать!

Буянов хотел что-то возразить, но затем передумал и промолчал. Ему было неприятно не только спорить, но и вообще разговаривать с режиссером.

Через несколько минут мужчины снова собрались в столовой. Ветер усиливался с каждой минутой. Здание скрипело, отзываясь таким необычным образом на порывы ветра. Подъехавшая к санаторию машина остановилась, и водитель, съезжившись, бросился к дому.

— Быстрее! — закричал он. — Через полчаса не сможем проехать. Такой ливень, что по дороге не подняться. Напрасно мы отвезли женщин наверх. Нужно было вызывать вертолеты и вывозить всех отсюда...

— Какие вертолеты? — перебил его повар. — Не говори глупостей. В такую погоду в горах нельзя использовать вертолеты. Они разобьются. Давай грузить продукты, иначе действительно не успеем. Тебе еще нужно вернуться в город.

Мужчины начали помогать выносить мешки. Когда заднее сиденье было почти

все занято мешками, Гасан наконец махнул рукой, показывая, что все продукты погружены. Водитель обернулся к мужчинам:

— Кто поедет со мной?

— Вейдеманис, — сразу показал на своего друга Дронго.

— Нет! — крикнул тот. — Я пойду пешком. У меня есть теплая куртка.

Дронго взглянул на Вейдеманиса. Мужчине иногда нужно бросить вызов самому себе, чтобы испытать свои силы. Дронго понял состояние друга и не стал настаивать.

— Мы пойдем с вами, — решительно сказал Отари. — Нельзя сильно нагружать машину. В такую погоду это небезопасно. Пусть поедут кинематографисты — у них нет теплой одежды.

— Здесь недалеко идти, — показал водитель в сторону Мархала, — минут двадцать, не больше.

— Тем более, — кивнул художник. — Если вы позволите, я положу к вам свою картину. Хочу закончить ее сегодня ночью. И свои кисти.

— Кладите, — засмеялся водитель, махнув рукой, — только быстрее.

— Я пойду с вами, — предложил Гасан. — А наши гости из Москвы могут поехать в машине.

— Вы ставите нас в неудобное положение, — нахмурился Погорельский. — Почему вы считаете, что именно мы должны воспользоваться вашим предложением?

— У вас легкая вельветовая куртка, — пояснил Отари, — а у вашего спутника вообще нет теплых вещей. Мы здесь отдыхаем несколько дней и знаем, что вечера бывают холодными. Поэтому у нас есть теплые вещи. Лучше не спорьте. Будет правильно, если вы поедете с нашим водителем. А ваш актер поможет разгрузить машину.

— Я бы лучше пошел с вами, — несмело сказал Буянов.

— Вам лучше поехать в машине, — возразил Дронго. — Водителю действительно понадобится помощь. Иначе он не успеет вернуться в город.

— Хорошо, — кивнул Буянов, — я согласен.

— А мы пойдем пешком, — громко сказал Мамука, восторгаясь собственным великодушием.

— Мы должны уходить, — напомнил Гасан, глядя на небо.

Погорельский не стал больше спорить, очевидно, согласившись с подобным раскладом. Отари принес свою картину, завернутую в холст, положил небольшой чемоданчик, краски. Погорельский уселся рядом с водителем, Буянов с трудом поместился на заднем сиденье. Машина тронулась и довольно быстро исчезла в тумане. Снова раздались раскаты грома. Мамука оглянулся по сторонам и поежился. Похоже, он уже сожалел о своем благородстве.

У повара был длинный плащ, а у остальных четверых — куртки типа штормовки. Все подняли воротники и поспешили наверх, туда, где скрылась машина. Идти было тяжело с первых шагов. Не только сильный дождь, но и порывистый ветер буквально сбивали с ног. В некоторые мгновения приходилось пригибаться почти к земле, чтобы сохранить равновесие.

Они прошли примерно половину пути, когда показалась машина. Водитель остановил ее и испуганно оглядел группу уставших мужчин.

— Садитесь, я успею вас довезти, — предложил он.

— Нет, — возразил Гасан, как самый старший из группы, — ты не успеешь добраться до города. В санатории остались три женщины, наши работницы. Забери всех и уезжайте. Только очень осторожно, на реке может начаться наводнение. Дождь сегодня очень сильный.

— Хорошо! — крикнул водитель. — Я доеду до города и скажу, чтобы вам прислали помощь.

— Не нужно пытаться добраться до города! — прокричал в ответ Гасан. — Лучше оставайся в деревне, на этом берегу реки. На другую сторону уже не попадешь. Ты меня понял?

— Посмотрим! — закричал водитель.

Машина во второй раз скрылась за плотной завесой дождевого тумана, и пятеро мужчин продолжили свой тяжкий путь на-

верх. В обычные дни эта дорога занимала гораздо меньше времени, но в такую погоду идти было очень тяжело. Они уже различали очертания здания, когда случилось несчастье. Повар вдруг всплеснул руками, неловко оступившись, сделал шаг назад, попал в лужу и рухнул на дорогу, подвернув под себя другую ногу. Он с размаху всем телом сел на вытянутую ногу и громко вскрикнул. Дронго бросился к нему. Вейдеманис, которому было тяжелее всех, хрипло дыша, подошел следом.

Гасан лежал на дороге, закрыв глаза. Когда подбежали Отари и Мамука, Дронго попытался с помощью остальных повернуть несчастного на спину. Тот в ответ застонал, приходя в себя.

— У него сломана нога, — устало сказал Дронго. — Придется нам втроем его нести.

— Вчетвером, — упрямо возразил Вейдеманис. — Я помогу вам.

— Сейчас не время спорить. Гасана нужно отнести в дом. Снимем с него плащ и отнесем на нем к дому.

— Может, позвать остальных? — предло-

жил Мамука, с сомнением глядя на грузного повара, лежавшего на земле.

— А его оставить под дождем? — строго спросил Дронго. — Давайте его поднимать. Нам осталось идти метров пятьдесят или сто.

Никто не стал больше спорить, и они с трудом стащили плащ с несчастного. Повар был действительно грузным человеком, и следующие шаги были очень трудными. Вдобавок ко всему ветер усилился и перешел в настоящий шторм.

— Нужно было позвать мужчин, — бормотал Мамука.

Остальные молчали. Когда наконец они оказались почти у дома и остановились на мгновение, чтобы передохнуть, Мамука достал платок, который был абсолютно мокрым, вытер лицо, выжал платок и сказал, укоризненно качая головой:

— Нужно было собрать всех мужчин. Быстрее бы донесли. У меня жена — врач, она бы помогла.

— Давайте быстрее внесем повара в

дом, — прервал эти причитания Дронго. — Нужно, чтобы ваша жена его осмотрела.

Они снова подняли повара, который оставался без сознания, и через несколько минут были уже у дома. На их громкий стук им почти сразу открыли дверь. Они внесли его в дом под испуганные восклицания со всех сторон. Ни один из них даже не подозревал, что все самое страшное еще впереди...

ГЛАВА 3

Двухэтажный особняк был построен в дни благоденствия, когда казалось, что советская власть утвердилась в этих местах всерьез и надолго. Тогда здесь отдыхали только гости первых секретарей, которым разрешали вкусить отдых небожителей. Но ничто не вечно под луной. Советская власть исчезла, первых секретарей больше не было, имущество частично разворовали, но сам дом все равно остался символом прежних времен. Большой массивный двухэтажный особняк был предназначен для элитных гостей.

На первом этаже располагались просторная гостиная и небольшой зал с камином, где стоял бильярд. К дому примыкала специально построенная сауна, отделанная мастерами из столицы. На втором этаже на-

ходились три спальные комнаты и кухня, где готовилась еда для гостей. Тут же была большая веранда, где гостям нравилось сидеть в погожие дни, наблюдая за прекрасным пейзажем, открывавшимся с горы.

Мужчины внесли Гасана и подняли его в спальную комнату, в которой жил один из приехавших гостей. В каждой спальне стояли две кровати, и повара уложили на одну из свободных кроватей, чтобы его могла осмотреть супруга Мамуки Сахвадзе. Эта спальня находилась в правом крыле здания. Нани сразу осмотрела несчастного повара. Она подтвердила худшие опасения — у Гасана была сломана нога. Нани ощупала ногу все еще лежавшего без сознания повара и покачала головой:

— Похоже на закрытый перелом. Нужно срочно вызывать помощь.

— Каким образом? — услышал Дронго за своей спиной. Он обернулся. На пороге стоял неизвестный ему мужчина. Ему было лет сорок. Среднего роста, худощавый, темно-волосый. Брови почти срослись на переносице, кривой нос походил на ятаган турец-